

“ОСТЯЦКИЕ ШАШКИ” ИЗ ПОЛУЙСКОГО (ОБДОРСКОГО)¹ ГОРОДКА XVI–XVII вв.

© 2013 г. О.В. Кардаш

Институт археологии Севера, Нефтеюганск (kov_ugansk@mail.ru)

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, г. Салехард, р. Полуй, р. Обь, Обдорское княжество, самоеды, остяки, настольные игры.

The article tells of chessboard games in the everyday life of the indigenous peoples of northwestern Siberia. It publishes a group of items from the excavations at Poluysky (Obdorsky) Gorodok (end of the 16th – the 17th cc.) which was the residence of the chieftains of the Obdorsk princes. The author uses archaeological and ethnographic sources to analyze the emergence and existence of the games within the cultures of the North Siberian peoples, from the late 16th to the 20th cc. The article concludes that the pieces from Poluysky Gorodok comprised a set for a game analogous to the game of *tepek* (*tep*), which is known from ethnographical data. The indigenous peoples of the North started using such games at the end of the 16th c. at the earliest, in the course of active colonization of Siberia by the principality of Muscovy.

Так называемые настольные игры² – один из малоизученных аспектов традиционной культуры коренных народов Севера Сибири. До сих пор в этнографической науке отсутствует описание этих игр, не сложилось также единой точки зрения на их происхождение и внезапное исчезновение из бытовой культуры. Причина, по-видимому, в том, что этой стороне жизни отводится второстепенная роль, в то время как подобные элементы быта могут выступать своеобразными индикаторами культурной самобытности либо культурной интеграции с другими народами.

В 2004–2005 гг. под руководством автора проводились исследования Полуйского городка (Кардаш, 2005а. С. 17–20; 2005б; 2006а). Этот населенный пункт (рис. 1) функционировал в конце XVI – XVII в. и служил предкам князей Тайшиных весенней резиденцией (Кардаш, 2006б. С. 128, 129). Культурный слой этого памятника был замерзшим и содержал большое количество предметов из органических материалов. К тому времени уже был опыт изучения таких памятников, в частности,

Надымского городка, и было известно большинство категорий предметов (Кардаш, 2009). Однако внимание привлекла уникальная группа находок – деревянные фигурки, напоминающие шахматы. Поскольку представленные в этнографических публикациях данные о настольных играх народов Севера Сибири скудны и отрывочны, идентификация этих фигурок потребовала длительного анализа и привлечения широкого круга источников.

Поводом для подготовки данной публикации стало знакомство с дневниками венгерского антрополога Я. Янко, изучавшего в конце XIX в. культуру аборигенов Севера (Janko, 2000. Р. 206). Эти сведения позволили достоверно идентифицировать группу фигурок из раскопок Полуйского городка и прояснить правила игры.

В настоящей статье впервые публикуются новые археологические материалы, связанные с настольными играми аборигенных народов Севера, дается описание правил игры на основе анализа этнографических данных, а также истории ее происхождения и бытования у народов Северо-Западной Сибири.

Настольные игры в Сибири по данным археологии и этнографии. В современной этнографической науке сведений о бытовых играх коренных народов Северо-Западной Сибири, в частности ханты, манси и ненцев, очень мало. С.В. Ивановым было опубликовано описание одного из немногих известных вариантов фигур – *топис*; игра напоминала шахматы и бытовала у васюганских ханты (1970. С. 13. Рис. 2). Единственный введенный в

¹Название приведено в соответствии с первой историографической традицией. На р. Полуй находилось несколько населенных пунктов, носивших название Обдорский городок. Так в документах XVII–XIX вв. именовали и русские, и аборигенные поселения, что привело к определенной путанице в работах историков. Двойное название сохраняет обе традиции, указывая на принадлежность к коренным жителям.

²Термин не совсем корректен, поскольку, судя по материалам археологических исследований, такой предмет домашнего интерьера, как стол широко входит в культуру народов Севера Сибири не ранее XIX в.

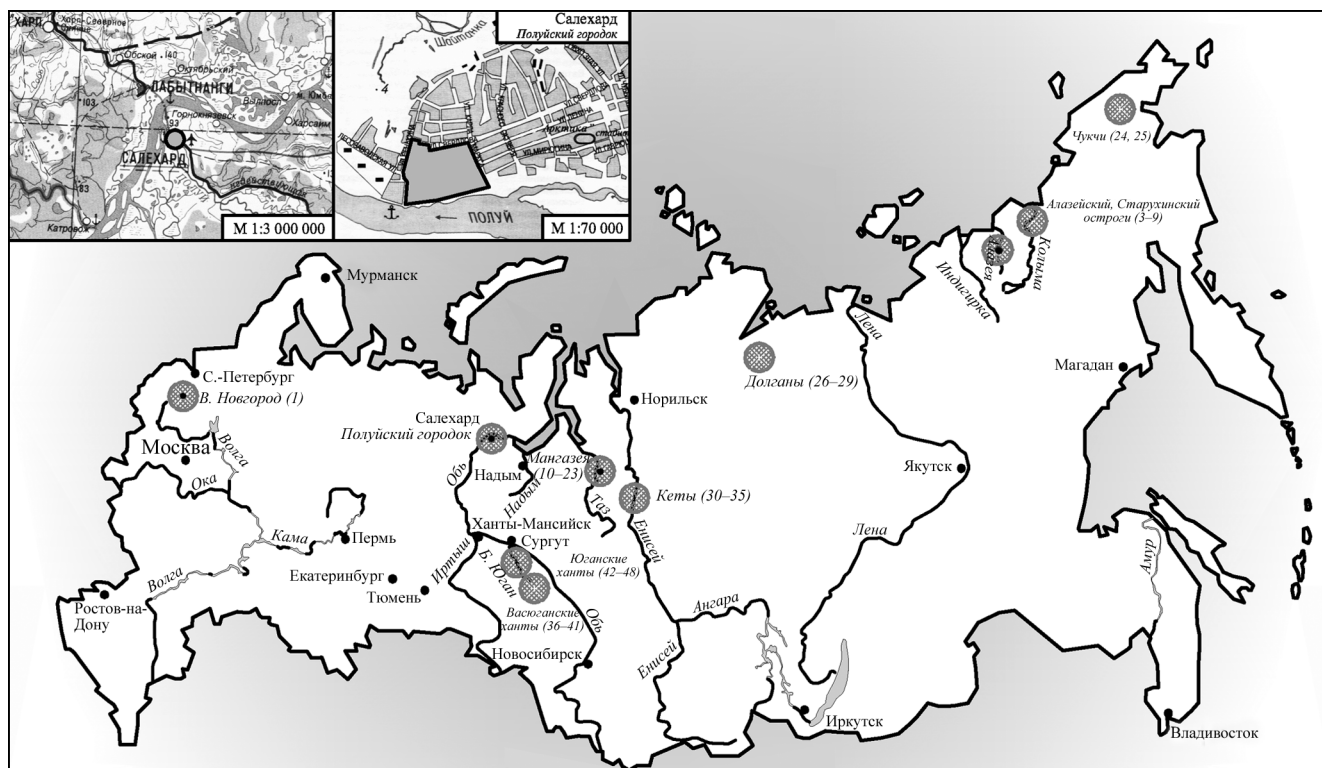

Рис. 1. Обзорная карта расположения Полуевского (Обдорского) городка и мест нахождения аналогичных фигур на других археологических памятниках, а также мест бытования у народов Севера. Цифры соответствуют изображениям фигур на рис. 2.

научный оборот набор фигур хранится в коллекции музея Томского университета (рис. 1; 2, 36–41). Согласно краткому описанию, игру составляли 20 фигур: 5 изображений птиц на конусовидном основании; 5 изображений животного с короткими или поджатыми ногами (возможно, олень или собака), также на конусовидном основании; 5 изображений животных с длинными ногами – лосей на цилиндрическом основании и 5 пластин с ажурным крестообразным вырезом в центре на цилиндрическом основании (Иванов, 1970. С. 13. Рис. 2). По-видимому, форма основания была основным признаком, маркирующим принадлежность к одной из противоборствующих сторон. Семантика изображений не совсем понятна, но можно предположить, что птицы и крест соответствовали некому небесному образу, а животные – земному.

В одном из последних обобщающих исследований по этнографии народов Западной Сибири отсутствуют какие-либо новые сведения о настольных играх, лишь упоминаются детские развивающие игры и рассматривается игра *топис*, напоминающая шахматы или шашки. В ней используется 12 (20) фигур, изображающих различных животных, и суть сводится к состязанию охотника со

зверем (Народы..., 2005. С. 147). Отмечается также, что детальных сведений о правилах игры нет.

Первые данные о бытовании на территории Северо-Западной Сибири настольной игры наподобие шашек зафиксировал в 1837 г. известный российский ученый А. Шренк. Он писал, что был удивлен, когда самоеды сели играть в шашки, и отмечал: “...меня уверяли, что игра эта в большом употреблении как у самоедов, так и у остяков”. Он считал, эта игра пришла от русских, но аборигены ее несколько изменили. В описании правил А. Шренк указывал, что доска была аналогична обычной шахматной, но игровое поле имело восемь клеток в ширину и девять клеток в длину. Общее число фигур – 16. У каждого игрока было по восемь фигур, которые расставлялись по двум крайним противоположным рядам (в два первых ряда), так что между ними оставались свободными пять рядов. Фигурами ходили и били только вперед, взятие шашки противника было необязательным и зависело от воли играющего. Дамки могли ходить и бить как вперед, так и назад, но только через одно поле и не более. Цель игры состояла в том, чтобы преследовать противника, ослабить его и шашками запереть в угол (Шренк, 2009. С. 297).

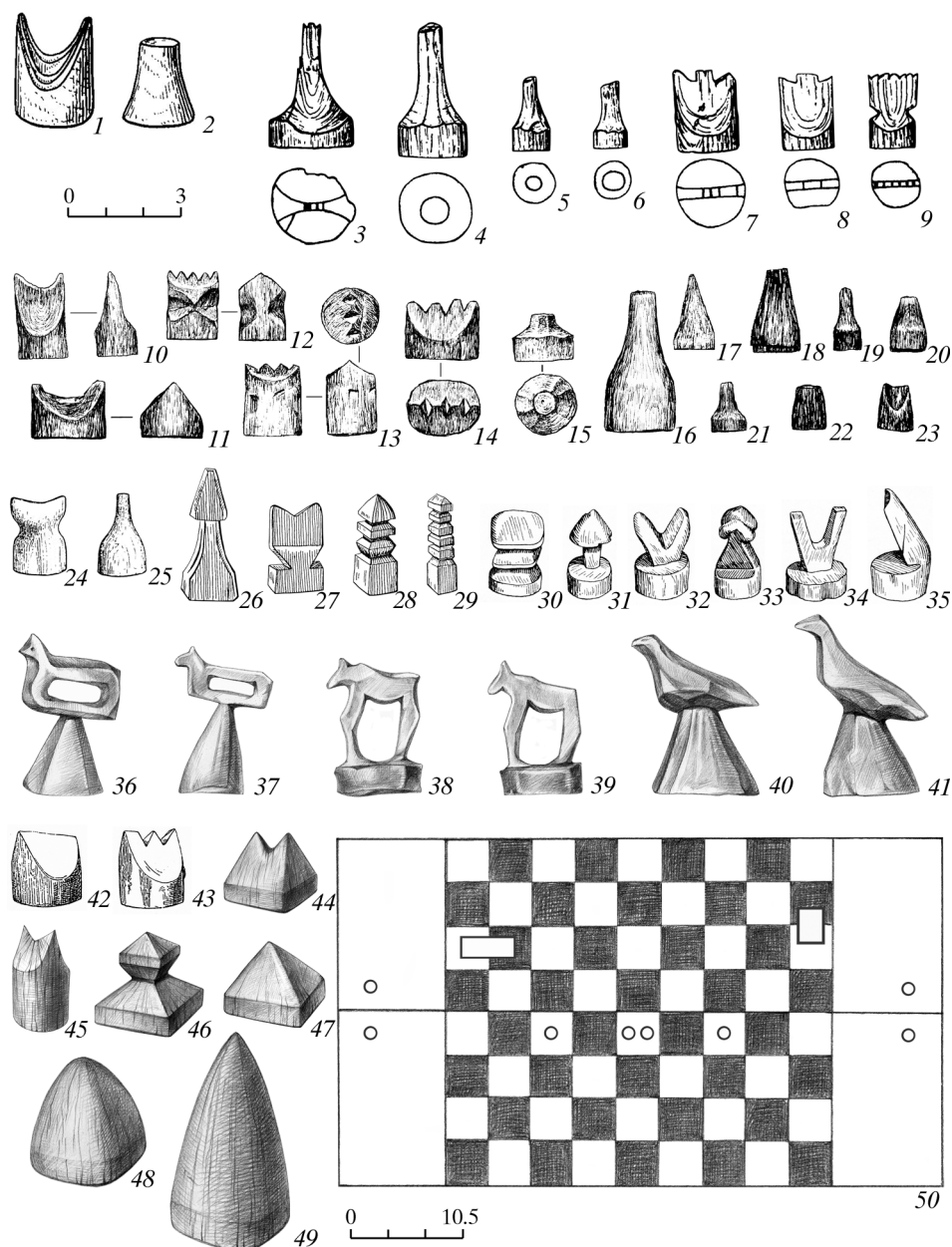

Рис. 2. Фигуры для игр на шахматной доске, аналогичные фигурам, найденным при раскопках Полуйского городка. 1, 2 – Новгород Великий (по: Рыбина, 1997); 3–9 – Алазейский острог (по: Алексеев, 1996); 10–23 – Мангазея (по: Визгалов, Пархимович, 2008); 24, 25 – ваегские чукчи (по: Вдовин, 1962); 26–29 – долганы (по: Замятин, 1951); 30–35 – кеты (по: Алексеенко, 1967); 36–41 – васюганские ханты (по: Иванов, 1970); 42, 43 – северные ханты, стойбище на протоке Бол. Пуйкова (по: Sommier, 1885); 44–50 – фигуры и доска для игры, юганские ханты, юрты Колсамовы (из колл. Венгерского этнографического музея, по рисунку Г. Дьёни).

Посетивший Нижнюю Обь немного позднее А. Шренка итальянский исследователь С. Сомье у жителей летнего остяцкого стойбища на протоке Большая Пуйкова, расположенного ниже с. Обдорское (близ пос. Салемал), зафиксировал игру в шашки, назвав ее “*dama ostiacco*” (“остяцкие дамы”) (Sommier, 1885. Р. 416). Им опубликовано две фигуры. Первая в форме цилиндра с поперечным реб-

ром на верхнем торце, вторая аналогична первой, но имеет на поперечном ребре три зубца (рис. 2, 42, 43). Информация об этих фигурах краткая и вполне вероятно неполная.

Более конкретные материалы содержатся в дневниках венгерского исследователя, этнографа д-ра Я. Янко, но они касаются другой игры, бытовавшей в XIX в. у западных соседей васюганских ханты,

в частности, юганских. Я. Янко был участником третьей экспедиции графа Е. Зичи, исследовавшей в 1897–1898 гг. на территории Российской империи места, связанные с древней историей венгров (Janko, 2000). В дневнике содержится следующая запись, которую ввиду краткости и информативности уместно привести полностью: “30. VIII. 1898. вторник. Колсамовы³. Удивила меня шахматная доска в доме. Это обычная шахматная доска с 64 клетками⁴, ее название *tepekpert*. Вместо белых и черных фигур мужские (острие) *kujtep* и женские (врезания) *nintep* фигуры. Все фигуры равные, нет короля и т.д. 13 мужчин и 13 женщин. Игра идет только по черным клеткам, по белым никогда. Ставят фигуры на первые три ряда (4 + 5 + 4). Каждая фигура может идти вперед или назад один шаг, но если перед ним фигура противника, она имеет право удалить и перепрыгнуть ее, и таким образом пройти вперед две клетки. Если одна фигура доходит до конца доски, тогда она приобретает такое же право, как слон в шахматах. Конечно, я купил игрушку и попросил их играть” (Janko, 2000. Р. 206). Дополнительная информация об этом наборе содержится в коллекционной описи предметов, переданных в Венгерский этнографический музей: “10.24. Шахматная доска с фигурами. *Tepekpert*. Колсамовы. Из сосновой доски, она состоит из двух частей, они связаны лубами. На доске нарезками определены клетки. К ней принадлежали 26 фигур, 1 отсутствует. Длина – 56 см, ширина – 32 см. Описание ЕА 4142. 89. И. Я. 277. И. Ш. 39981” (Janko, 2000. Р. 364).

В дополнение к опубликованным Я. Янко материалам следует детализировать морфологическое описание фигур и доски, а также перевод терминов (рис. 1; 2, 44–50). Во время собственных полевых исследований в бассейне р. Большой Юган попытки найти какую-либо информацию об игре не имели успеха. Удалось лишь выяснить, что одна старая жительница юрт Курламкиных помнит о том, что давно играли в некую игру с фигурами на доске и эта игра называлась *тетка* (*тепка*), но как переводится это слово, она не знает. Однако нам удалось перевести термины игры. Зафиксированное Я. Янко название *tepekpert* состоит из двух корней: *tepet* (*tepat*) встречается в салымском и тром-юганском говорах и, по-видимому, соответствует понятию “дамка” в русских шашках; *pert* – “доска, стол” (Терешкин, 1981. С. 358, 465). Таким образом, *tepekpert*, а точнее, *tepet-pert* можно перевести

как “доска для дамек” или “доска для игры в дамки”. Таким образом, реконструируется название игры – *tepet* (“дамки”). Наименование мужских фигур *kujtep*, где *kuj* (*ku*, *koj*) – “мужчина, самец, стоять дыбом, быть замужем” (Терешкин, 1981. С. 167, 187). Женские фигуры – *nintep*, где *nin* – “двое, раздвоенный”, также употребляется в сложных формах слов “натягивать”, “тянуть”, “бабенка” (Терешкин, 1981. С. 285, 286, 309, 310). В диалектах и говорах хантыйского языка большое значение имеют фонетические нюансы в произношении тех или иных звуков, они и определяют смысл слова. В речи юганских ханты при определенном произношении слова *kujtep* и *nintep* могли соответственно означать *penis-tep* (*penis* для игры в дамки) и *vagina-tep* (*vagina* для игры в дамки). При том что терминологически половой диморфизм фигур особо подчеркнут использованием названий гениталий, сами фигуры предельно схематичны. Женские фигуры *nintep* представлены 11 фишками квадратного сечения с пирамидальной раздвоенной вершиной (рис. 2, 44) и 2 цилиндрическими фишками с раздвоенной вершиной (рис. 2, 45). Мужские фигуры *kujtep* представлены девятью фишками квадратного сечения с пирамидальной вершиной (рис. 2, 47) и двумя фишками квадратного сечения с пирамидальной вершиной, увенчанной небольшой пирамидальной головкой, повторяющей форму фишки (рис. 2, 46). Две аморфные конусообразные фигуры (рис. 2, 48, 49) также следует отнести к мужским. Они отличаются грубой обработкой и схематичностью, возможно, ими заменили утерянные фишки. Доска для игры состоит из двух створок, размеры соответствуют приведенным выше, размер игрового поля – 9 × 9 клеток (рис. 2, 50).

Завершая описание настольных игр, бытовавших у обских угров, нельзя не упомянуть об игре, которая хранится в коллекции Музея реки Оби, входящего в состав “Историко-художественного музейного комплекса” Нефтеюганска. В 1999 г. музеем была организована экспедиция для сбора экспонатов под руководством Г.П. Визгалова. В заброшенных юртах Когончиных на р. Кеум (левый приток р. Демьянка) была обнаружена шахматная доска с набором фигур. Она принадлежала переселившимся сюда юганским ханты рода Когончиных и была изготовлена не позднее середины XX в. В наборе для игры 22 фигуры: 7 пирамидальных фишек с раздвоенной вершиной и 15 фишек индивидуальной формы. Возможно, однако, этот набор неполный. В любом случае, учитывая разнообразие форм игровых фишек, можно предположить, что они использовались для игры наподобие шахмат, возможно воспроизводящей некий сюжет.

³Населенный пункт – хантыйские юрты в верхнем течении р. Большой Юган (рис. 1).

⁴В описании ошибка, игровое поле имеет размер 9 × 9 клеток и составляет 81 квадрат (рис. 2, 50).

Таким образом, в XIX – середине XX в. в традиционной культуре юганских ханты бытовали две разновидности настольной игры на основе шахматной доски – *тонис* и *теп*. Хотя, вполне вероятно, мы имеем дело с вариантами одного названия, которые различаются нюансами произношения или восприятия исследователей: *тон*, *теп*, *тет*. Сложно делать выводы о бытовании таких игр у всех обских угров, поскольку из числа многих исследователей только Я. Янко, а впоследствии Г.П. Визгалову удалось обнаружить материальные свидетельства существования игры, причем именно у жителей р. Большой Юган.

На сопредельной территории Восточной Сибири вплоть до Чукотки подобная игра зафиксирована в культуре многих народов. К сожалению, подробные описания таких игр, а тем более изображения элементов представлены далеко не у всех.

Шашки у нганасан по правилам напоминают немецкие шашки, описание которых дает А. Шренк. Для игры используется доска, аналогичная шахматной, игровое поле составляют 64 квадрата (8 × 8 клеток). Половина клеток закрашивается углем, половина остается светлой. Черные называются *моу* (“земля”), белые – *турку* (“озера”). Общее количество фигур – 16. Каждому игроку принадлежит по 8 фигур, изготовленных из дерева. Половина фигурок в виде пирамидок изображает мужчин нганасан в *сокуях* (разновидность верхней мужской одежды). Вторая половина имеет форму стилизованных женских фигур в *парках* (зимняя женская меховая одежда). Образно говоря, мужчины играют против женщин. Бытовали две разновидности игры – *нану-деда* и *турку-тага*. Первая по своим правилам аналогична русской игре в шашки. *Турку-тага* отличается наличием в правилах возможности переходить через белые клетки – *турку*. Дамка может пересекать две белые клетки “озера” прямо, а не по диагонали, как в правилах *нану-деда*. Есть мнение, что эта игра заимствована у русских (Файнберг, 1959. С. 59).

У долган была известна настольная игра под названием *пешки* (Замятин, 1951. С. 151. Рис. 2, 3). Опубликованы лишь изображения четырех фигур: две имеют форму вытянутой пирамиды и декорированы горизонтальными нарезками по периметру средней части; одна – вид конуса с пирамидальной головкой; еще одна отличается ребром на верхней части и боковыми вырезами (рис. 2, 26–29). Отмечается, что игра была довольно популярной. Тем не менее по этим же данным, в известных коллекциях, например МАЭ, представлено всего четыре долганские фигурки.

Игра наподобие шашек зафиксирована у кетов, подробно она нигде не описана (Алексеев, 1967. С. 247. Рис. 41). Однако опубликованы изображения фигур, чрезвычайно ценные для нашего исследования (рис. 2, 30–33).

И.С. Вдовин зафиксировал у ваегских чукчей настольную игру под названием *чьумэт*. Описание игровой доски отсутствует. Играют по девять фигур с каждой стороны, и можно предположить, что доска имела игровое поле с одной стороной из девяти клеток. Общее число фигур – 18. Они подразделяются на 2 типа: мужские фигуры *клиг-чьумэ* в форме конусообразного острия и женские фигуры *нэв-чьумэт* в форме цилиндра с наклонными срезами и боковыми выемками (рис. 2, 24, 25). Смысл игры – в образном поединке женских и мужских фигур (Вдовин, 1962. С. 160, 161). Исследователь называет мужскую и женскую оппозицию характерной чертой для всех типов игр ваегских чукчей. Кроме этого в качестве аналогии автор упоминает о подобной игре у коряков (Вдовин, 1962. С. 160).

Большинство исследователей высказывают мнение о заимствовании аборигенными народами Севера Сибири настольных игр, подобных шашкам. Более подробно вопросы происхождения и бытования таких игр не рассматривались. Благодаря стационарным исследованиям Полуйского городка в нашем распоряжении появились материалы, позволяющие более детально рассмотреть историю происхождения игры в шашки у коренного населения Северо-Западной Сибири.

Фигуры игры в “шашки” из коллекции Полуйского городка. Один из верхних слоев археологического памятника Салехард 1⁵, расположенного близ устья р. Полуй в черте современного г. Салехард, по результатам исследований был идентифицирован как сезонный административный центр аборигенного Обдорского “княжества” конца XVI – XVII вв. (рис. 1). Обдорский князь Молик Мамруков⁶ в 1644 г. назвал этот населенный пункт своими “вешними юртами” – весенней резиденцией (РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182). В 1740 г. его полное название привел в своих путевых дневниках Г.Ф. Миллер: *Поулинг-аут-вош* (хант.) – “Полуйский

⁵ Выявлен в 1926 г. археологом М.И. Щтекелисом, в 1946 г. ранние слои памятника исследовались экспедицией под руководством В.Н. Чернецова, указавшего, что, по преданиям, этот холм служил местом пребывания остяцкого князя (1946. С. 2, 3).

⁶ Дед Тайши Гындына, получившего при крещении в 1714 г. имя Алексей и фамилию Тайшин, ставшую впоследствии родовой.

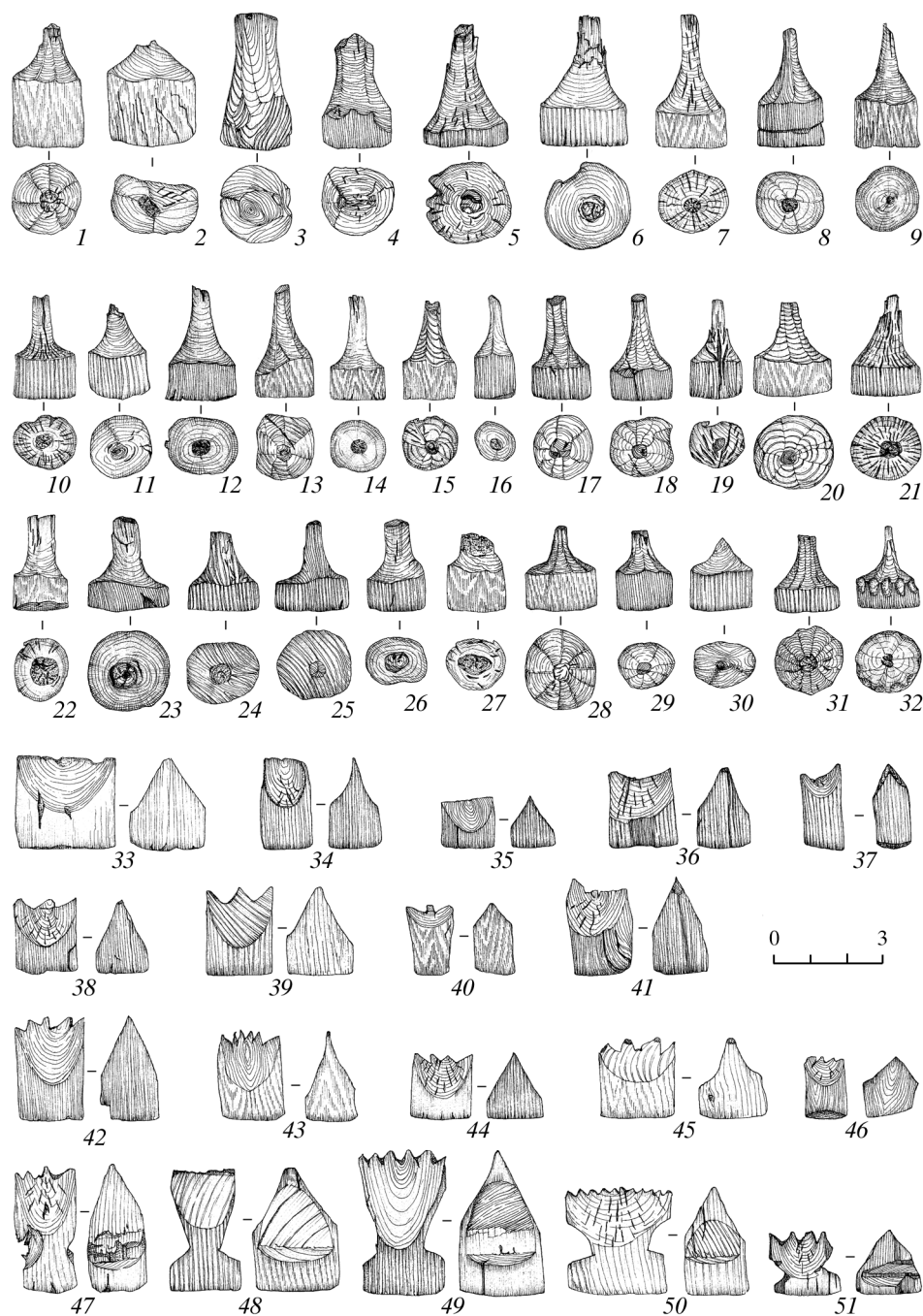

Рис. 3. Фигуры для настольной игры из раскопок Полуйского (Обдорского) городка (дерево).

мысовой городок” или *Sale-gard* (ненец.) – “Мысовой городок” (Сибирь XVIII в..., 1996. С. 258).

Раскопками площадью до 1000 м² были исследованы различные части территории памятника, в результате были реконструированы его планировочная структура и архитектура (Кардаш, 2005а. С. 17–20). Оборонительно-жилой комплекс городка размерами 20×20 м состоял из четырех каркасных построек (8 × 8 м). Они имели углубленный

котлован, очаг в центральном помещении, которое было окружено по периметру галереями с наружными стенами из вертикально установленных досок (плах). У комплекса было единое перекрытие и стены, заложенные дерном. За пределами сооружения зафиксированы хаотично расположенные остатки 10 жилых домов, составлявших своеобразный посад городка. В южной части мыса находилась ритуальная площадка.

Тип	Подтип				
	1	2	3	4	5
I					
II					
III					

1

I	II	III	IV	V
А 6 17×9–26×18 Б 1 15×12	А 4 21×8–24×16 Б 1 24×28 В 1 23×12	А 1 10×10–20×15 АО 4 30×20 Б 1 25×12 АО 1 20×10 21×11 В 2 29×12 СО 1	А 1 21×(18×14) АО 1 20×14, 27×21 Б 1 21×21 АО 1 26×14 В 1 25×17 СО 1 20×18 Г 1 20×18 АО 1	А 1 20×14, 20×13 АО 2

2

I (простые)			II (усложненные)					II (сложные)		
1 АО СО 120–2	2 АО 2	3 АО 3	1А АО 56	1Б АО 1	2 АО 5	3 АО 8	4 АО 1	1 СО 1	2 АО 1	3 АО 1
14×6 54×22	15×15 34×17	15×15 23×15	20×9 51×23	26×12	25×12 30×16	18×9 54×27	37×17	24×18	19×14	20×13

3

Рис. 4. Типологические таблицы фигур для настольной игры. 1 – Полуйский городок; 2, 3 – Алазейский и Стадехинский остроги (по: Алексеев, 1996); 2 – фигуры третьей группы – ладьи; 3 – фигуры первой группы – пешки и пешковидные.

В пространстве раскопа 5, исследовавшем укрепленную часть городка, где, очевидно, располагались дома, принадлежавшие семье вождя, находились две постройки (1 и 3). Судя по дендрохронологии остатков пяти уровней реконструкции, они функционировали с конца XVI по конец XVII в. Во всех слоях были обнаружены деревянные фигурки, напоминавшие шахматные и формировавшие определенный набор.

Всего в коллекции Полуйского городка представлен 51 деревянный предмет, их можно идентифици-

ровать как фигурки для настольной игры (рис. 3). Большинство из них выполнено из обрезков веток ивы (тальника), а часть – из обломков цилиндрических изделий (отходов), сделанных из хвойных пород. Размеры колеблются в интервале от 1.2×1.5 до 3×4 см. Серию составляют три основных типа фигур (рис. 4, 1).

Тип I – конические фигуры (32 экз.), имеющие форму цилиндра с конической верхней частью, вытянутой в виде острия с притупленным концом (рис. 3, 1–32; 4, 1). Их размеры составляют

1.2–2.2 см в диаметре и 2.5–4 по высоте. Эти фигуры подразделяются на подтипы по размерам и форме основания: 1-й (12 экз.) отличается основанием, составляющим половину или три четверти высоты фигуры: 1.2–2 см (рис. 3, 1, 2, 8–11, 15, 16, 27–30); 2-й (19 экз.) характеризуется основанием, составляющим треть или менее от высоты фигуры: 0.6–1.2 см (рис. 3, 3–7, 12–14, 17, 26, 31); 3-й (1 экз.) отличается основанием, составляющим три четверти высоты фигуры (1 см) и декорированным по окружности верхнего края нарезками, визуально делающими основание конуса чуть ниже (рис. 3, 32).

Тип II – цилиндрические фигуры с поперечным ребром на верхнем торце (14 экз.), имеющие форму относительно высокого или низкого цилиндра, на верхнем торце которого двумя наклонными срезами сформировано поперечное ребро (рис. 3, 33–46; 4, 1). Их размеры составляют 1.2–2.8 см в диаметре и 1.5–3 по высоте. Эти фигуры подразделяются на подтипы по оформлению (декору) поперечного ребра: 1-й (3 экз.) – с горизонтальным не декорированным ребром (рис. 3, 33–35); 2-й (2 экз.) – с вогнутым к основанию ребром (рис. 3, 36, 37); 3-й (2 экз.) отличается наличием трех зубцов (рис. 3, 38, 39); 4-й (2 экз.) – с вогнутым к основанию ребром и прямоугольным зубцом в его средней части (рис. 3, 40, 41); 5-й (5 экз.) – с вогнутым к основанию ребром и центральным зубцом в форме короны с одной или тремя врезками (рис. 3, 42–46).

Тип III – цилиндрические фигуры с поперечным ребром на верхнем торце и двумя симметричными боковыми врезками (5 экз.), имеющие форму относительно высокого или низкого цилиндра, в ряде случаев с овальным сечением, “сжатого”. На верхнем торце двумя наклонными срезами сформировано поперечное ребро. Под его противоположными концами сделаны два симметричных выреза, подчеркивающих верхнюю часть и формирующих основание фигуры (рис. 3, 47–51; 4, 1). Размеры фигур составляют 1.8–2.8 см в диаметре и 2–4 по высоте. По оформлению (декору) поперечного ребра выделяются подтипы: 1-й (1 экз.) – с горизонтальным не декорированным ребром (рис. 3, 48); 2-й (4 экз.) – с горизонтальным зубчатым ребром (“гребешком”), количество зубцов которого варьируется от 4 до 11 (рис. 3, 47, 49–51).

Небольшая вариативность и размеры фигурок свидетельствуют об их принадлежности к некоей простой игре с использованием шахматного поля. Вместе с тем более детальный анализ серии описанных выше фигурок не будет объективным, если его провести только на основе поздних этнографических параллелей. Важным источником для

интерпретации могут послужить находки шахматных фигур с близких территориально и синхронных археологических памятников русского освоения Сибири.

Шахматные фигуры из раскопок русских городов Севера Сибири. Все исследователи первых русских поселений Севера, таких как г. Мангазея, Алазейский и Нижнеколымский остроги, следуя традиции изучения новгородских древностей, рассматривали объемные фигурки для настольных игр только в рамках типологии шахмат (Белов и др., 1981. С. 43–46, 121. Табл. 46, 16; Пархимович, 2005. С. 306–308. Рис. 2; Визгалов, Пархимович, 2008. С. 306–308. Рис. 2, 53–56; Алексеев, 1996. С. 40, 41. Табл. 52–54).

На современном этапе исследований такой подход представляется недостаточно полным. Есть общеизвестные данные по истории происхождения шашек. Считается, что эта игра возникла в Западной Европе в XII в. на основе арабской игры алькерик и шахмат и до XVI в. была распространена под названием *дамы* лишь на территории Франции и под названием *драфтс* или *чекерс* – Англии. Изначально фигуры для игры формировались по образцу фигуры ферзя, или королевы (в европейской традиции) (van der Linde, 1874). Когда произошла замена фигур на плоские цилиндрические фишки, точно неизвестно, но, очевидно, на каком-то этапе оба варианта бытовали одновременно и на периферии могли долго использоваться архаичные формы.

Вполне вероятно, негативное отношение католической церкви к азартным играм, в том числе шахматам, в XIV–XV вв. способствовало широкому распространению в середине XVI в. по территории всей Европы малоизвестной тогда и соответственно менее популярной игры *дамы*, или *чекерс*, в русской традиции получившей название *шашки*. В какой форме распространялись шашки на территории Московского государства, точно не известно: по всей видимости, в разных вариантах, поскольку и сейчас параллельно существуют около 10 разновидностей этой игры и некоторые из них имеют значительные отличия. По этой причине, анализируя шахматные фигуры, найденные на территории русских памятников XVI–XVIII вв., следует учитывать возможное присутствие в этой серии объемных фигур для игры в шашки. Рассмотрим с этой точки зрения коллекции шахматных фигур из раскопок русских памятников Севера Сибири.

В культурном слое Мангазеи, функционировавшей с 1601 по 1670 г., за период раскопок 1968–1969, 1970 и 1973 гг. было найдено 80 фигур (Белов и др.,

1981. С. 43–46, 121. Табл. 46, 16). На новом этапе стационарного изучения памятника в 2001–2004 гг. был обнаружен 181 экз. (Пархимович, 2005. С. 302. Рис. 2). Всего мангазейская коллекция шахмат, собранная за все годы раскопок, включает 261 фигурку, 90% которых изготовлены из дерева (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 98–241. Рис. 162–164). Среди них к категории пешек и пешковидных фигур, имеющих в основе вытянутый конус, относится около 150 экз., т.е. почти две трети (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 101, 102. Рис. 163). Безусловно, пешек в наборе шахматных фигур больше, но соотношение с остальными фигурами теоретически должно быть примерно одинаковым, таким образом, наблюдается некоторая диспропорция.

Многообразие фигур, подобных пешкам, вызывающее сложность при их систематизации, вероятно, отражает наличие в коллекции фигур, использовавшихся для разных вариантов игр на шахматной доске. Яркий пример – серия из четырех натуралистичных фигурок в форме человеческого *penis*'а (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 102. Рис. 164, 1–4). Среди русских шахмат, найденных на европейской территории, фигуры с подобной, “срамной”, символикой до сих пор не встречались, но их присутствие в мангазейской коллекции явно не случайно. Возможно, именно они составляли один из наборов другой игры, например в шашки, где так же, как в *tepekpert* противоборствующие стороны дифференцированы по половой принадлежности, которая отражалась в изображении фигур.

Судя по поздним этнографическим изображениям (рис. 2, 24–33), в мангазейских шахматах, помимо пешковидных конической формы (рис. 2, 15–23) имеются и другие фигуры, которые могли использоваться в альтернативных играх. Например, несколько фигур, идентифицированных как ладьи (рис. 2, 10–14). Подобную ситуацию можно отметить и в отношении других коллекций шахматных фигур из русских поселений Северо-Восточной Сибири.

В процессе раскопок Алазейского и Стадухинского острогов, существовавших с середины XVII до середины XVIII в., найдено 317 фигурок (311 деревянных и 6 костяных), идентифицированных как шахматные (Алексеев, 1996. С. 40, 41. Табл. 52–54). На их основе разработана подробная типология (рис. 4, 2, 3). Интересна приведенная автором статистика. Из четырех выделенных групп изображений первая – пешки и пешковидные фигуры – составляет две трети (около 200 экз.), причем в других группах количество предметов распределено почти равномерно (Алексеев, 1996. С. 40, 41). Такая диспропорция может быть связана с использо-

ванием части так называемых пешковидных фигур для игры в шашки. На рисунках приведены фигуры, которые могли составлять комплекты для игры в шашки (рис. 2, 3–9; 4, 2, 3).

В целом, рассматривая приведенные выше наборы русских шахматных фигур, следует отметить несколько моментов. Во-первых, в коллекциях русских памятников Севера Сибири фигуры или фишки для игры в шашки типологически не выделены. Нет сомнения, что такая игра существовала наряду с другими, такими как карты, шахматы, кости и зернь. Есть мнение, что классические правила игры в шахматы забывались и шахматные фигурки использовались для игры в шашки (Чикачев, 1990. С. 106). Такое вполне вероятно, но нельзя исключать возможность бытования специализированного набора для игры в шашки или некоего универсального комплекта фигур для игр на шахматном поле. Скорее всего, фигуры для игры в шашки нужно искать в шахматном наборе, полученном при раскопках русских северных городов. Эту задачу можно реализовать только с привлечением широкого круга источников, включая материалы по археологии и этнографии аборигенных народов Севера.

Комплексный анализ коллекции фигур для настольной игры из раскопок Полуйского городка позволяет сделать ряд выводов о ее происхождении, бытовании и правилах. Поскольку в материалах раскопок более ранних памятников (XIII–XIV вв.), таких как Бухта Находка, Войкарский городок, а также в синхронных слоях как Войкарского, так и Надымского городков подобные фигуры не обнаружены, исключается возможность развития оригинальных настольных игр или раннего заимствования игр аборигенным населением региона (Лашук, 1968; Кардаш, 2008; 2009; Брусницина, 2003; 2005; Федорова, 2004; 2006).

Очевидно, такие игры начали входить в обиход коренного населения не ранее конца XVI в., что было связано с появлением русского населения и активной колонизацией Севера Сибири Государством Московским. Вряд ли возможно, чтобы у настольных игр на основе шахматной доски, появившихся у аборигенного населения этого региона, не было русского прототипа. Его отсутствие в научном обороте, скорее всего, следствие неразработанности типологии.

Сопоставляя полуйские фигурки с типологическими выделенными по результатам раскопок древнерусских городов фишками для игры в шашки, можно отметить, что прямых аналогий им нет (Рыбина, 1997. С. 110–114. Табл. 79). Вместе с тем, хотя I тип фигур и соотносится по форме с шахматными пешками, II и III типы параллелей среди древнерусских

шахмат не имеют. Есть лишь единичные экземпляры, у которых отмечается определенная типологическая связь с приведенными мангазейскими, алазейскими, а также этнографическими образцами (рис. 2, 1, 2). Фигуры, близкие по форме фигурам II типа, найдены при раскопках в Минске и Новгороде в слоях XII–XIV вв., но они рассматриваются как исключение и, по мнению И.М. Линдера, “напоминают обыкновенную лодку” (1975. С. 81, 85, 86). III тип имеет формальное сходство с одной из фигур скандинавских шахмат с плоским фигурным туловом, увенчанным “гребешком” из восьми зубцов (Линдер, 1975. С. 88).

Можно предположить, что это некий вариант игры на шахматном поле: в ней использовались фигуры наподобие шахматных, но их набор и соответственно правила были более простыми. Не исключено, что такой вариант игры существовал в русской культуре, но был малораспространенным и бытовал у беднейших слоев населения или в среде сельских поселений. Фигурки, грубо обработанные и простые по форме, иногда воспринимались при раскопках как возможный отход производства и не привлекали внимания исследователей. Подобные случаи – не редкость на сибирских памятниках с замороженным культурным слоем, который на 60–70% составляют отходы деревообработки.

По-видимому, первой в культуру аборигенного населения входила та игра, которую отличали простота и незамысловатость правил и их объяснения. Такой игрой могли быть русские шашки или подобная им игра, которая, безусловно, бытовала параллельно с ними в то время. Не исключено, что на тот период, характеризовавшийся многообразием, вариантов могло быть больше.

Обнаруженный при раскопках Полуйского городка набор фигур аналогичен фигурам, опубликованным С. Сомье, и набору, использовавшемуся в игре *тепек* (*ten*), описанной Я. Янко. Правила этой игры наиболее близки шашкам вообще и русским в частности. Основное отличие – размер игрового поля: в русских шашках он составляет 64 квадрата (8 × 8), а не 81 (9 × 9), соответственно полный набор – 24 фигуры (по 12), а не 26 (по 13). Размеры игрового поля и количество фигур, вероятно, соответствовали архаичной форме, которая впоследствии была изменена по образцу шахмат и снабжена фишками упрощенной формы. Описанный выше I тип конических фигурок по форме соотносится с так называемыми мужскими фигурами игры *тепек*. Наиболее правильным будет определение их в рамках остяцкой (хантыйской) традиции как фигур *куй-теп*. II тип близок группе женских изображений, именуемых в остяцкой традиции *нин-теп*. III тип не имеет параллелей ни в наборе русских

шахматных фигур, ни в этнографических образцах. Это самый малочисленный тип, и логично предположить, что он представляет особую фигуру, приобретающую новые свойства, – “дамку”, которая должна отличаться от остальных. Правила игры, вероятно, имели варианты, но у них не было радикальных отличий, как, например, в рассмотренных выше правилах у нганасан.

Не совсем понятно отсутствие таких фигур на территории других синхронных памятников Нижней Оби, таких как Войкарский и Надымский городки. Возможно, это объясняется тем, что недалеко от Полуйского городка располагались Обдорская таможенная застава и пункт ясачного сбора, где относительно постоянно проживали русские. Не исключено, что более широкое распространение подобных игр в культуре аборигенного населения в последующие периоды (XVIII–XIX вв.) также было связано с появлением в регионе с конца XVIII в. оседлого русского населения и постоянных поселений.

Как многие игры того периода, игра в шашки имела характер азартной – подразумевалась игра на деньги или эквивалентные дорогостоящие товары. Вполне вероятно, что вовлечение в игру представителей семьи Обдорских князей, проживавших в Полуйском городке и ведавших сбором ясака со всех подвластных остяков и самоедов, имело наибольший смысл для служилых казаков, ясачных сборщиков и простых промышленников. Из этого можно заключить, что игры проникали в среду северных аборигенов через общинных вождей, что и для них в свою очередь, наверное, имело особый смысл, и лишь потом получали широкое распространение.

В последние годы при анализе и атрибуции предметов из раскопок позднесредневековых археологических памятников Северо-Западной Сибири подтверждается тот факт, что значительная часть категорий предметов вошла в традиционную культуру аборигенов Севера не ранее конца XVI и даже середины XVIII в. из русской традиционной культуры. Большинство из них были адаптированы, переосмыслены, модифицированы и стали к настоящему времени достоянием традиционной культуры. Причем многие из этих предметов уже давно исчезли из русской традиции.

По-видимому, и настольные игры так же были восприняты коренными жителями Севера Сибири, простые правила допускали создание новых вариантов, были придуманы новые названия. В настоящее время они уже входят в учебные пособия по традиционному воспитанию детей (Прокопенко В.И., Прокопенко В.В., 2004; Прокопенко В.И., 2004). Иными словами, эти игры были интегрированы в культуру и их можно рассматривать как не-

кие северные варианты игры в шашки. Найденные в Полуйском городке и представленные Я. Янко фигуры следует именовать, опираясь на русское название шашки и учитывая их исчезновение из традиционной культуры Северо-Западной Сибири на современном этапе исследования, “остяцкие шашки” – *тепек*.

Выражаю особую благодарность коллеге Г. Дьёни, оказавшему помощь в переводе дневников Я. Янко с венгерского, а также лично сделавшему эскизы фигур и игровой доски, которые воспроизведены в настоящей публикации. С благодарностью отмечу помощь, оказанную коренной жительницей р. Большой Юган С.В. Качаловой (Каюковой) в проведении исследований и переводе терминов с хантыйского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
- Алексеев Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981.
- Брусницина А.Г.* Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: Матер. VI Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск, 2003.
- Брусницина А.Г.* Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Матер. Всерос. науч. конф. “Ямал: история, историография, краеведение”. Салехард, апрель 2005 г. Екатеринбург; Салехард, 2005.
- Вдовин И.С.* Ваегские чукчи // Сибирский этнографический сб. Вып. IV. М., 1962.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.
- Замятин С.Н.* О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на о. Фаддея и на берегу залива Симса. М.; Л., 1951.
- Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
- Кардаш О.В.* Раскопки стоянки Салехард 1 в 1946 и 2004 гг. // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. XIII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. Томск, 2005а.
- Кардаш О.В.* Археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок), планируемой под строительство архитектурного ансамбля “Город мастеров” в 2004 г. Отчет о НИР. Т. 1. Нефтеюганск, 2005б // Архив НПО СА. № 105/1.
- Кардаш О.В.* Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2005 г. Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2006 // Архив НПО СА. № 118/1. 2006а.
- Кардаш О.В.* Административные центры аборигенных “княжеств” Северо-Западной Сибири в конце XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург 2006б.
- Кардаш О.В.* Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 г. Отчет о НИР. Нефтеюганск, 2008 // Архив НПО СА. № 198 науч.
- Кардаш О.В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Лашук Л.П.* “Сиртя” – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
- Линдер И.М.* Шахматы на Руси. М., 1975.
- Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты.* М., 2005.
- Пархимович С.Г.* Мангазейские шахматы // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.
- Прокопенко В.И.* Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры: Уч. пособие. Екатеринбург, 2004.
- Прокопенко В.И., Прокопенко В.В.* Настольные игры коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации: Уч. пособие. Екатеринбург, 2004.
- Рыбина Е.А.* Шашки, “мельница”, шахматы // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Вып. VI.* Новосибирск, 1996.
- Терешкин Н.И.* Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981.
- Файнберг Л.А.* Хозяйство и культура таймырских нганасан (по материалам колхоза им. Шмидта Таймырского национального округа) // СЭ. 1959. № 2.
- Федорова Н.В.* Городище Усть-Войкарское (Войкарский Городок) // Проблемы межнационального взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2004.
- Федорова Н.В.* Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Салехард, 2006 (Науч.-практич. конф. “Обдорья: история, культура, современность”).
- Чернецов В.Н.* Стоянка Салехард 1 (Раскопки Мангазейской экспедиции). Кн. II. 1946 г. // Архив НИЦА и Ан. Д. Р-1742.
- Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1990.
- Шренк А.* Путешествие к Северо-Востоку Европейской России. М., 2009.
- Janko J.* Utazas Osztfakfoldre 1898. Neprajzi Museum. Budapest, 2000.
- Sommier S.* Un’Estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Siriéni, Tatári, Kirgisi e Baskiri con 144 incisioni e tre carte. Firenze Ermanno Loescher. Torino; Roma, 1885.
- van der Linde A.* Geschiehte und Litteratur des Schachspiels. I. Beilagen, 1874.